

УДК:82.091.19

Диляра БАЛИЧ,

Старший преподаватель Узбекского государственного университета мировых языков

E-mail: dbalich@mail.ru

Надежда ЛОКТЕВА,

Доктор философии PhD по филологическим наукам

Докторант 3-го года обучения Узбекского государственного университета мировых языков

E-mail: nadejda.lokteva@mail.ru

СЕМЕЙНАЯ ХРОНИКА В ЭПОХУ ТРАНСФОРМАЦИИ: КОНФЛИКТ ПОКОЛЕНИЙ И КРИЗИС ИДЕАЛОВ В РОМАНЕ «ЗЕМЛЕМЕР»

Аннотация

В статье анализируется роман Джеймса Фенимора Купера «Землемер» как вторая часть трилогии о семье Литтлпейджей, в которой жанр семейной хроники претерпевает существенную трансформацию. В отличие от «Сатанстое», где хроника выступает как утверждение родовых ценностей, в «Землемере» хроника становится формой отражения кризиса морали, идентичности и преемственности в условиях исторических и социальных сдвигов. Через фигуру Мордаунта Литтлпейджа Купер демонстрирует внутренний конфликт поколения, утратившего уверенность в нравственных основаниях общества. Акцент сделан на символике земли, дома, родословной и памяти как основах национальной и личной идентичности.

Ключевые слова: Трансформация, семья, смысл, род, конфликт, поколение, ценность.

FAMILY CHRONICLE IN THE ERA OF TRANSFORMATION: GENERATIONAL CONFLICT AND CRISIS OF IDEALS IN THE NOVEL «THE CHAINBEARER»

Annotation

The article analyzes James Fenimore Cooper's novel «The Chainbearer» as the second part of the trilogy about the Littlepage family, in which the genre of family chronicle undergoes a significant transformation. Unlike «Satanstoy», where the chronicle acts as an affirmation of family values, in «The Chainbearer» the chronicle becomes a form of reflection of the crisis of morality, identity and continuity in the context of historical and social shifts. Through the figure of Mordaunt Littlepage, Cooper demonstrates the internal conflict of a generation that has lost confidence in the moral foundations of society. The emphasis is on the symbolism of land, home, genealogy and memory as the foundations of national and personal identity.

Key words: Transformation, family, meaning, genus, conflict, generation, value.

TRANSFORMATSIYA DAVRIDAGI OILA XRONIKASI: “YER TUSHGAN” ROMANIDAGI AVLODLAR TO‘QNASHUVI VA IDEALLAR BO‘RIZI

Annotatsiya

Maqolada Jeyms Fenimor Kuperning “O‘lkachi” romani Littlepage oilasi haqidagi trilogiyaning ikkinchi qismi sifatida tahlil qilinadi, unda oilaviy xronika janri jiddiy o‘zgarishlarga uchraydi. Xronika oilaviy qadriyatlarning tasdig‘i vazifasini bajaradigan «Satanstoy»dan farqli o‘laroq, «O‘lkachi»da xronika tarixiy va ijtimoiy siljishlar sharoitida axloq, o‘zlik va davomiylik inqirozini aks ettirish shakliga aylanadi. Mordaunt Littlepage siymosi orqali Kuper jamiyatning axloqiy asoslariga ishonchini yo‘qotgan avlodning ichki ziddiyatini namoyishi etadi. Milliy va shaxsiy o‘zlikni anglash asoslari sifatida yer, uy-joy, nasl-nasab, xotira ramziyligiga e‘tibor qaratilgan.

Kalit so‘zlar: Transformatsiya, oila, ma‘no, jins, ziddiyat, avlod, qiymat.

Введение. Романы Джеймса Фенимора Купера, справедливо считающиеся классикой американской литературы. Одной из ключевых особенностей его прозы является изображение глубинной связи между личностью и её родовыми корнями, что особенно проявляется в трилогии о семье Литтлпейджей. Американская критика воспринимает роман, прежде всего как произведение, критикующее расширение «цивилизации» через попытки захвата земли и насильственное усвоение территорий, сопровождаемое моральной коррупцией личности и общества[1]. Марком Твенom особенно сатирически подчеркивался диссонанс между романтическими нарративами Купера и требованиями реалистического романа: он

завистливо утверждал, что Купер нарушает основные принципы повествовательной грамматики и достоверности [2].

Вторая часть трилогии, роман «Землемер» вышел в 1845 году, и если роман «Сатанстое» представляет собой хронику основания рода, выстроенную в духе просвещённого утверждения морального порядка, устойчивых ценностей и родовой преемственности, то «Землемер» знаменует собой принципиальный поворот в развитии жанровой модели семейной хроники. Ключевой особенностью «Землемера» является то, что Купер превращает семейную хронику из инструмента фиксации прошлого в форму активного сопротивления прогрессу,

лишённого этического основания. Нарратив преемственности в романе приобретает тревожную окраску: традиции рода Литтлпейджей не столько продолжают, сколько вынужденно обороняются от насильственных трансформаций, охвативших Америку второй половины XVIII века. При этом Купер не поучает напрямую, вместо этого он рассказывает историю так, чтобы читатель сам почувствовал, где правда, а где сомнение. Роман не просто передаёт события, но и показывает, моральный смысл. Мы видим не только, реальные события, но и то, что из этого вынес герой и чему он научился. Социальные и экономические преобразования, в том числе последствия Гражданской войны, а также процесс индустриализации и урбанизации, привели к тому, что старые моральные ориентиры и традиции начали утрачивать свою силу, так же происходит кризис семейных отношений. В «Землемере» Купер выявляет последствия этих изменений, представляя моральный разрыв и внутренние конфликты между поколениями, где создается новая Америка, традиционные ценности сталкиваются с рационализмом, прагматизмом и индивидуализмом.

Методологической основой работы выступает сочетание историко-литературного и поэтического анализа. Исследование сосредоточено на жанровых, сюжетных и символических особенностях романа, а также на интерпретации повествовательных стратегий Купера в свете кризиса родовой идентичности. В романе Купера одним из центральных мотивов является родословная как основа формирования героя, Купер подчёркивает значимость исторической и семейной памяти, выступающей в качестве важнейшего элемента самоидентификации. Места, связанные с родом - такие как имения *Satanstoe* или *Lilacs bush* - обретают символическую нагрузку: они становятся хронотопами родовой памяти, хранящими в себе следы поколений и моральных ориентиров. Немаловажную роль играет тема наследия и памяти. Купер выстраивает повествование так, что хроника рода становится не просто описанием частной истории, а способом сохранения культурной идентичности. Особое внимание уделяется географическим и культурным и семейным реалиям, что позволяет говорить о региональной спецификации семейной памяти. Привязка героев к конкретным местам от Нью-Йорка до фронта, способствует формированию устойчивой модели «дом – земля – род» как ключевой конструкции американской идентичности. Семейная хроника оказывается не просто фоном, а инструментом осмысления прошлого и актуализации гражданского долга. Герои Купера не просто живут в истории - они несут её в себе как наследие, которое необходимо интерпретировать, сохранять и передавать дальше. Эта идея особенно ярко воплощается в образе Мордаунта Литтлпейджа - представителя нового поколения, стоящего на границе старого и нового времени. Через него Купер показывает, как хрупкой может оказаться связь между прошлым и будущим, когда человек вынужден сам решать, что достойно сохранения, а что требует переосмысления. Переход от повествования Корнелиуса Литтлпейджа, хроникёра «Сатанстое», к рассказу его внука Мордаунта в «Землемере» не является просто сменой поколения: это смена оптики, смена философской интонации хроники. Если Корнелиус говорит с уверенностью просвещённого

человека, знающего ценность рода, земли, долга и общественного порядка, то Мордаунт говорит с тревогой, сомнением, с ощущением, что традиции утрачены, а истина перестала быть очевидной. Таким образом, «Землемер» знаменует не только продолжение хроники, но и её внутреннюю трансформацию - от модели утверждения к модели кризиса. Мордаунт Литтлпейдж - фигура принципиально иного типа, если отец символизирует эпоху утверждённой морали, протестантской трудовой этики и культурной уверенности, то Мордаунт воплощает хроникёра эпохи исторического разлома. Он уже не обладает той внутренней уверенностью, которая присуща его отцу Корнелиусу. Он сомневается в легитимности родовых притязаний, в справедливости наследия, в самой структуре собственности. Его рефлексия, насыщенная колебаниями, становится показателем того, что преемственность рода больше не воспринимается как естественная данность. В сцене, где он наблюдает конфликт арендаторов с администрацией, он замечает: «It is not my intention to blame the people; they act as they are taught...»[3]. Это не риторика власти, а голос человека, потерявшего опору в социальных категориях своего происхождения. Уже в предисловии видно как Купер показывает, каким образом в обществе нарастают противоречия: с одной стороны - благородство и стремление к справедливости, с другой - страх и разрушения устоявшихся порядков. Всё чаще решения принимаются не из-за принципов, а ради личной выгоды. Потому что это ведёт к потере моральных ориентиров и внутреннему разложению. В диссертационном исследовании видно, что эти тревоги передаются и главному герою. Он человек, тесно связанный с семейными ценностями и прошлым, но при этом чувствует, что многое в его жизни требует пересмотра. Он начинает понимать, что устои, которые казались вечными, больше не работают, и общество должно искать новые опоры.

Это ярко видно в метафоре Купера: «The column of society must have its capital as well as its base»[3] то есть, как колонне нужна не только основа, но и верхушка, так и обществу нужна не только поддержка снизу, но и моральная высота. То есть «this capital is broken and hurled to the ground»[3], если верхушка разрушена, то рушится и всё остальное, на их место приходят нечестные люди, жадные землевладельцы, ростовщики. Это вызывает у него внутренний протест и глубокий конфликт.

В романе «Землемер» нам видно, что герой Мордаунт не меняет мир вокруг себя, он просто наблюдает, как всё рушится. Его нарратив, где теряется значение семьи, связь между поколениями, исчезает ощущение, что наследство что-либо может значить. В «Сатанстое» история рода шла вместе с историей страны, а в «Землемере» семья уже в стороне от этих событий, её вытесняют, она становится ненужной. В его рассказе много сомнений, внутренних переживаний. Таким образом Купер, приближает семейную хронику к поздней форме европейского романа, где повествование - это поиск, а не фиксация готовых смыслов. Сравнивая с европейскими моделями хроники, хочется показать то, что у Теккерея в «Ярмарке тщеславия» семейная хроника становится иронической формой разоблачения, у Золя - способом вскрытия социальных детерминант, у Гюго -

пространством для исторической проповеди. Купер же предлагает уникальную американскую версию: семейную хронику как трагическое усилие удержать внутреннее единство в мире внешнего распада. Мордаунт - это хроникёр, отягощённый не только временем, но и осознанием собственной исторической избыточности. Он не знает, будет ли кто-то читать его записи, и именно в этом - их сила. Сравнительный анализ с образом Корнелиуса Литтлпейджа, главного хроникёра в «Сатанстое», углубляет понимание образа Мордаунта. Это различие особенно подчёркивается в сценах, касающихся конфликтов с арендаторами. В «Сатанстое» Корнелиус настаивает на том, что отношения между землевладельцем и арендатором должны строиться на взаимной ответственности, где обязанность идёт в обе стороны. Мордаунт же, наблюдая новые формы агрессии и разобщения, отмечает: «I do not wish to be a landlord in a country in which a landlord is considered a sort of public enemy»[3], а затем пишет: «I have lost the belief that the class I belong to can any longer claim to be the moral leaders of society»[3]. Здесь не просто личная горечь, но выражение исторического осознания утраты социального призвания рода как морального ориентира. Таким образом, повествование становится формой критики не только современной эпохи, но и самих основ, на которых строилась предыдущая.

Одним из ярчайших символических эпизодов является сцена разговора Мордаунта с мисс Уаймер - образованной и идеалистичной женщиной. Мисс Уаймер воспринимает идею личного долга как нечто архаическое, в то время как Мордаунт отчаянно пытается убедить её и себя в том, что без этой идеи рухнет не только род, но и цивилизация. Он говорит: «Without a sense of transmission, everything is consumption»[3]. Лингвистическая структура повествования Мордаунта представляет собой особый интерес. В отличие от ясной, логически выстроенной и целенаправленной речи Корнелиуса Литтлпейджа, язык Мордаунта фрагментирован, полон вставных конструкций, внутренних реплик, пауз, эвфемизмов, выражений неуверенности. Он часто использует конструкции, начинающиеся с «perhaps», «I suppose», «it seems to me» - что указывает на риторику сомнения, а не утверждения. Эти языковые особенности придают хронике характер внутреннего монолога, исповеди, а не обращения к потомкам. Его речь неуверенная, колеблющаяся, и это подчёркивает то, что время изменилось, уверенность прошлого исчезла. Он комментирует собственное письмо, его мотивы, его границы: «Perhaps I should not speak of this...»[3] - подобные оговорки лишают текст силы декларации, но придают ему исповедальную и философскую плотность. Этот роман написан не ради влияния, а ради удержания себя от исчезновения. Немаловажно, что Купер применяет и временные сбои: повествование Мордаунта периодически прерывается ретроспекциями, мысленными возвратами в детство, диалогами с умершими. Это блуждание во времени - не просто художественный приём, а признак того, что он потерял чувство направления в жизни. Видно, что роман у Купера функционирует как форма защиты от исчезновения, как попытка сохранить субъектность в условиях исторической и моральной размытости. Его повествование - не урок потомкам, а мучительное свидетельство человека, оказавшегося между

нравственным долгом и личным отчуждением. В тексте всё чаще звучат слова, связанные с завершением, истощением, утратой: fading, broken line, silence, emptiness. Эти слова становятся не просто частью описания, но фоном сознания героя, хроникёра, который чувствует: он - последний, кто способен говорить на языке рода. На протяжении всего романа нам видно, что в «Землемере» Купер создаёт сложную модель хроники, где нарратив преемственности сменяется хроникой внутреннего сопротивления. Мордаунт Литтлпейдж - это не только персонаж, но и форма художественного мышления. Его рассказ это не просто свидетельство порога поколения, но и глубокая рефлексия о нравственном кризисе рода, становящегося перед лицом исторических перемен. Его рассказ о прошлом превращается в нечто большее, чем просто семейная хроника; он становится философским размышлением о месте индивида в историческом процессе. Таким образом, Купер использует фигуру Мордона как метафору более широкого культурного и исторического сдвига, который затрагивает не только личность, но и общество в целом. Мордаунт, осознавая разрушение традиций и моральных ориентиров, в конце концов становится свидетелем, а затем и участником исторического катаклизма, в котором родовые ценности уступают место новым, часто неопределённым и более агрессивным, идеалам. Купер не просто изображает процесс утраты преемственности, он ставит под сомнение саму ценность этой преемственности, подвергая анализу всю историческую динамику перехода от одного социального порядка к другому. На наш взгляд Купер в «Землемере» предоставляет читателю не только историю одного рода, но и историю борьбы идей, борьбы между преемственностью и необходимостью адаптации к меняющемуся миру. Сюжетные линии в «Землемере» вовлекают в конфликт поколения, приводя к дефициту моральных ориентиров и расширению разрыва между старыми традициями и новыми реалиями. Внутренний конфликт Мордаунта Литтлпейджа - это не только его личная драма, но и отражение кризиса всей страны, оказавшейся между прошлым и будущим. Он сомневается, теряет опоры, пытается понять, что из прошлого стоит сохранить, а что уже не работает. Именно через его восприятие и размышления Купер показывает, как человек переживает исторические перемены не на уровне идей, а через боль, растерянность и попытку удержать связь с тем, что дорого. И вот здесь в повествовании всё большее значение начинают приобретать символы - земля, дом, реликвии, названия мест, воспоминания о предках. Всё это становится не просто фоном, а частью внутреннего мира героя, выражением его памяти и попытки удержать устойчивость в нестабильном мире. Символы помогают увидеть глубину связи между личным и историческим, между семьёй и судьбой страны. Через образы земли, дома, фамильных вещей и названия мест Купер показывает, что прошлое, традиции и память не просто существуют - они живут в повседневных вещах и местах. Эти символы - не просто декорации, а часть внутреннего мира героя и важный способ рассказать о его корнях и ценностях. Первым важным символом становится земля. В романе она - это не просто участок, а знак стабильности, традиции и наследия. Купер пишет: «My father was

Cornelius Littlepage, of Satanstoe, in the county of West Chester, and State of New York» [3]. Само название Satanstoe говорит о важности этой земли для семьи, где живут традиции, где рождались поколения. Земля здесь - не вещь, а знак того, что человек принадлежит к определённой истории и культуре. Другой важный образ это дом, здесь Купер упоминает: Lilacs bush - долгие годы известное под этим именем, и всё ещё стоящее недалеко от Kingsbridge, «Lilacs bush, a place long known by that name, which still stands near Kingsbridge» [3]. Дом на Манхэттене не просто жильё. А это семейное гнездо, место, где хранятся воспоминания, где соединяется прошлое и настоящее. Более важными нам кажутся семейные реликвии и воспоминания о предках «I retain tolerably distinct impressions of both of my grandfathers, and of one of my grandmothers» [3]. Эти воспоминания - не просто биографическая деталь. Это способ показать преемственность, связь поколений, уважение к тем, кто был до нас. Значение приобретают и названия мест - Манхэттен, Кингсбридж, Lilacs bush. Купер пишет, что Lilacs bush находился «but on the island of Manhattan, and consequently in one of the wards of New York, though quite eleven miles from town» [3]. Эти географические указания создают чёткий культурный фон, это

территория с историей, с границами, с памятью. Манхэттен становится символом принадлежности к определённой эпохе и культуре. Так же важно, что Мордаунт рассказывает о своих предках, называя их происхождение: «a Sir Something Bulstrode, who had been in the colonies himself, and who was a great favourite with Herman Mordaunt, as my mother's parent was universally called in New York» [3]. Эти слова подчёркивают, что его семья имеет смешанные корни. Также он упоминает, что «My father often said, it was perhaps fortunate in one respect, that his father-in-law died as he did, since he had no doubt he would have certainly taken sides with the crown, in the quarrel that so soon after occurred, in which case it is probable his estates, or those which were my mother's, and are now mine, would have shared the fate of those of the de Lanceys, of the Philipses, of some of the Van Cortlandts, of the Floyds, of the Joneses, and of various others of the heavy families, who remained loyal, as it was called» [3], это показывает, как тесно связана личная история с историей Европы и колониального прошлого Америки. Всё это вместе - земля, дом, реликвии, названия, родословная, создают целый мир символов. Через них Купер показывает, как личная судьба героя вплетена в судьбу страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. O'Donnell, Charles (Autumn 1961). «Progress and Property: The Later Cooper». American Quarterly. 13 (3). The Johns Hopkins University Press: 402–409
2. Твен, Марк (1895). «Литературные проступки Фенимора Купера». The North American Review. 161
3. Cooper J. F. The Chainbearer or The Littlepage manuscripts New York: D. Appleton & Company, 1873.